

Религиоведение. 2025. № 2. С. 49–63.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 2. P. 49–63.

DOI: 10.22250/2072-8662-2025-2-49-63

Дашковский П.К.¹, Траудт Е.А.²

^{1,2} Алтайский государственный университет

^{1,2} 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

¹ dashkovskiy@fpn.asu.ru; ² traudt805ea@gmail.com

Протестантские общины в Бурятии в условиях советской государственно-конфессиональной политики

Аннотация. В статье проводится анализ деятельности протестантских религиозных объединений Бурятской АССР в середине 1960-х – 1991 гг., основанный на материалах Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива республики Бурятия. Отмечено, что на территории Бурятии действовали как зарегистрированные, так и нелегальные общины протестантской направленности. Единственной религиозной организацией, получившей регистрацию, стали евангельские христиане-баптисты. Кроме них на территории Бурятской АССР в разные промежутки времени осуществляли свою деятельность пятидесятники, иеговисты, а также адвентисты седьмого дня. В рассматриваемый период контроль за протестантскими объединениями осуществлял Совет по делам религий при СМ СССР, который имел уполномоченного представителя в административных субъектах страны, в т.ч. в Бурятской АССР. Кроме того, рассмотрен гендерный состав религиозных общин баптистов и адвентистов седьмого дня. Авторами отмечено, что большую часть прихожан составляли женщины старшего возраста. Кроме того, проанализирована финансово-хозяйственная деятельность баптистской общины г. Улан-Удэ. Несмотря на небольшое количество денежных средств, поступления и траты были постоянными и позволяли покрывать основные расходы религиозного объединения. В период модернизационных процессов в СССР во второй половине 1980-х гг. в религиозном объединении баптистов немного увеличилось число молодых последователей. Это может свидетельствовать о влиянии либерализации и демократизации, происходивших в советском обществе, на религиозные процессы в регионах, в т.ч. в Бурятии.

Ключевые слова: Бурятская АССР, государственно-конфессиональная политика, протестантские общины, баптисты, адвентисты седьмого дня, пятидесятники

П.К. Дашковский

Е.А. Траудт

Petr K. Dashkovskiy¹, Egor A. Traudt²

^{1,2} Altai State University

^{1,2} 61 Lenin Ave, Barnaul, 656049, Russia

¹ dashkovskiy@fpn.asu.ru; ² traudt805ea@gmail.com

Protestant Organizations under the Soviet State-Confessional Policy in Buryatia

Abstract. Based on the materials from the State Archives of the Russian Federation and State Archives of the Republic of Buryatia, this article analyzes the activities of Protestant religious organizations in the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic (Buryat ASSR) in the period from the mid-1960s to 1991. It notes that both registered and unregistered Protestant groups operated on the territory of Buryatia. The only officially registered religious organization was the Evangelical Christian-Baptist Church. In addition, Pentecostalists, Jehovah's Witnesses, and Seventh Day Adventists also conducted their activities in different periods in Buryat ASSR. During this period, control over these Protestant organizations was exercised by the Council for Religious Affairs, which had representatives in all administrative regions of the country, including Buryat ASSR, under the authority of the Council of Ministers of USSR. In addition, the gender composition of the religious communities of Baptists and Seventh Day Adventists was examined. The authors note that most parishioners were older women. In addition, financial and economic activity of the Baptist community in Ulan-Ude was analyzed. Despite a small amount of funds, receipts and expenses were constant and covered the main expenses of the religious organization. During the modernization process in the USSR in the late 1980s,

there was a slight increase in the number and share of younger members in the Baptist religious association. This may be due to the influence of liberalization and democratization taking place in Soviet society at that time on religious processes in different regions, including Buryatia.

Key words: Buryat ASSR, state-confessional policy, protestant communities, Baptists, Seventh Day Adventists, Pentecostalists

Введение

Российское государство в процессе длительного исторического развития сложилось в виде конгломерата разных народов и религий. Во многом по этой причине в последние годы всё большую популярность в научном сообществе приобретает направление изучения моделей государственно-конфессиональной политики, которые изменялись и трансформировались в силу ряда факторов. Кроме этого, важной частью таких исследований выступает рассмотрение вопроса о реализации религиозной политики государства в различные исторические периоды. Опора на изучение предшествующего опыта государственного регулирования религиозных процессов и деятельности религиозных общин будет полезна для реализации государственно-конфессиональной политики на современном этапе.

История протестантских общин в периоды т.н. «развитого социализма» и «перестройки» на территории Бурятии, на наш взгляд, не получила должного внимания в научной литературе. Во многом это связано с тем, что в советский период архивные документы были засекречены, что объяснялось конфиденциальной работой Совета по делам религий при СМ СССР – главного государственного органа по реализации государственно-конфессиональной политики на территории Советского Союза [Маслова, 2011, 514]. После распада СССР и изменения политического курса в сторону либерализма и демократизации такие исследования стали возможными, однако в полной мере ещё не сыскали интереса в научных кругах.

В последние годы в отечественной историографии стали появляться научные публикации, которые тем или иным образом затрагивали положение протестантских общин в системе государственно-конфессиональной политики Советского государства на территории Бурятии. Среди них можно выделить некоторые работы А.А. Савельева [2014а, 2014б] и С.З. Ахмадуллиной [2010]. Несмотря на то, что указанные работы посвящены истории протестантских направлений на территории Бурятии, они носят обзорный или историографический характер, в них не заостряется внимание на отношениях данных религиозных общин и государства во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг.

По данным на 2022 г., на территории Республики Бурятия действует 51 религиозное объединение протестантской направленности, занимая значительное место в религиозном ландшафте данного региона [Васильева, Ахмадулина, Будаева, 2022, 45]. По этой причине, на наш взгляд, важно изучать исторический контекст появления протестантских организаций на территории Бурятии, а также их отношения с институтами власти. Целью данной статьи станет рассмотрение положения протестантских общин с опорой на реалии религиозной политики, проводимой органами советской власти в национальных автономиях СССР во второй половине 1960-х – начале 1990-х г.

Деятельность протестантских объединений Бурятской АССР в период развитого социализма

В рассматриваемый период на территории Бурятской АССР действовали различные религиозные общины протестантского толка. Первые общины протестантов появились на территории Бурятии ещё в довоенное время. Так, например, община баптистов (ЕХБ) в г. Улан-Удэ впервые зародилась в 1921 г., однако за время своего существования множество раз распадалась и усилиями проповедников собиралась вновь [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 211. Л. 10].

Новый импульс для распространения протестантских идей в Забайкалье был связан с послевоенным периодом, когда на эту территорию активно пересылали литовцев и молдаван, многие из которых были приверженцами какого-либо протестантского направления [Савельев, 2014б].

В период руководства страной Н.С. Хрущёвым и проводимой им широкой антирелигиозной кампании (1958–1964) протестантским объединениям вновь пришлось перейти на нелегальный формат деятельности. Специалистами отмечается, что во второй половине XX в. все советские протестанты демонстрируют черты субкультуры с присущими ей замкнутостью и отстранённостью от внешнего мира, что стало ответной реакцией на непринятие их со стороны государства и общества. Протестанты рассматривали «уход в подполье» в качестве единственного способа поддержания численности общины [Грунт, Смирнова, 2017, 115–127].

Кардинально изменяется и «социальная концепция» протестантов по отношению к советскому обществу. Если ещё в первой половине XX в. протестанты были активно интегрированы в социальную и культурную жизнь страны, то уже во второй половине XX в. всеобщая дискриминация и обильная атеистическая пропаганда стали основной причиной отрицательного отношения протестантов к общественным институтам. Именно поэтому протестанты старались как можно лучше наладить внутренние отношения, замыкаясь в пределах своей общины [Никольская, 2009, 168].

В период развитого социализма на территории Бурятской АССР с разной продолжительностью действовали общины баптистов, адвентистов седьмого дня, пятидесятников и иеговистов¹ различной численности. В целом данный исторический период характеризуется тенденцией к конструктивному выстраиванию отношений между религиозными общинами и государством, что подтверждается региональными исследованиями в области изучения государственно-конфессиональной политики [Дашковский, Дворянчикова, 2022; Ибрагимов, 2005, Кленяева, 2020; Сочнева, 2023 и др.]. Во многом это стало возможным вследствие создания централизованного органа по контролю за религиозными общинами – Совета по делам религий при СМ СССР. Несомненно, курс на построение атеистического государства возобладавал в генеральной линии партии, однако теперь борьба с религиозными пережитками, в большинстве своём, осуществлялась не через закрытие храмов и уголовное преследование священнослужителей, а через финансовое давление и постоянные контрольно-учётные мероприятия [Советов, 2011].

Вся религиозная политика СССР определялась Декретом СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г., постановлением ВЦИК «О религиозных объединениях» 1929 г., а также Конституциями 1936 и 1977 гг. В отношении протестантов советская власть также опиралась на постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Основываясь на положениях данных документов уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР в субъектах должны были усилить свой контроль за всеми религиозными объединениями, в том числе и за протестантскими. Новая волна переселения людей протестантского вероисповедания относится к началу 1960-х. Это связано с принятием Постановления Президиума ВС РСФСР от 4 мая 1961 г., которое дало возможность государству выселять наиболее активных деятелей религиозных сект² в отдалённые места [Савельев, 2014б].

В свою очередь, община христиан веры евангельской (пятидесятников) начинает свою деятельность на территории Бурятской АССР с конца 1950-х гг. [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 211. Л. 11]. Большое влияние на действия пятидесятнических общин в СССР оказали события 1945 г., когда государством были проведены мероприятия для слияния всех протестантов под эгидой создания единой организации. Основой для централизации послужили баптисты – как самое многочисленное протестантское направление в СССР. Высшим органом управления протестантских общин признавался Всесоюзный Совет Евангельских Христиан Баптистов (ВСЕХБ). С этого момента протестантские организации имели шанс получить официальную регистрацию только в случае готовности встраивания в новую систему государственно-конфессиональной политики СССР с полной подконтрольностью их деятельности. Такое положение дел было отрицательно воспринято многими протестантами. Исследователи указывают, что, например, в Сибири (Омская область, Алтайский

край, Красноярск) значительная часть пятидесятников выступила против объединения, сохранив автономность и находясь вне правового поля СССР [Горбатов, 2008, 68]. Некоторые общины не признали данного изменения и предпочли существовать «вне закона», а другие формально поддерживая новые реалии осуществления религиозной политики СССР, в реальности продолжали осуществлять свою собственную деятельность, чтобы избежать судебных преследований [Горбатов, Федорович, 2023, 753–754].

Деятельность пятидесятников в г. Улан-Удэ во многом связана с приездом проповедника П.А. Энса из Челябинска, который начал проводить религиозную деятельность. Ему удалось за небольшое время незаконно сформировать общину, состоящую из 14 женщин разного возраста. Следующим его действием была попытка организовать общину пятидесятников среди военнослужащих через пособничество единоверца. В своих действиях проповедник часто использовал тактику запугивания, с помощью которой значительно пополнил численный состав общины. В отчётной документации пятидесятников г. Улан-Удэ органы власти характеризовали пятидесятников в духе тогдашнего времени, акцентируя внимание на их фанатичности и изощрённом проведении богослужений [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 211. Л. 11]. Итогом деятельности П.А. Энса стало его осуждение на 5 лет за несоблюдение советского законодательства в области религии [Савельев, 2014б]. Отметим, что отлучение религиозных лидеров от общины было одним из методов раскола религиозной общины, применяемых советской властью для недопущения роста религиозности среди населения. После ареста своего лидера и проповедника община пятидесятников начала стремительно распадаться.

В 1960-х гг. в пригороде г. Улан-Удэ действовало порядка 15 пятидесятников, проводивших свои собрания в частных домах [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 49. Л. 5; ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 50. Л. 10; ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 53. Л. 7]. В 1973 г. пятидесятники вновь появляются на страницах статистического отчёта уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР. В данных материалах они числятся как незарегистрированная религиозная группа в составе 13 человек, которая не имеет лидера. Вновь отмечается, что верующие проводят собрания на квартирах и строго соблюдают Конституцию СССР [ГАРБ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 558. Л. 21].

Примечательно, что в дальнейших отчётах уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР пятидесятники либо вообще не указываются, либо упоминаются как группы, не проявляющие особую активность. Требований о регистрации своей религиозной общины они также не подавали и впоследствии либо слились с баптистами г. Улан-Удэ, либо вообще перестали подавать признаки религиозной активности, оставаясь на нелегальном положении.

Растворение пятидесятников в баптистской среде можно заметить и в некоторых других регионах СССР, например, в Калмыцкой АССР [Белоусов, 2016, 261] и многих регионах Сибири [Горбатов, 2008, 68]. Причиной этому было то, что в исследуемый исторический промежуток в отношении пятидесятников существовали негативные предубеждения, связанные с их религиозным учением и ритуалами, которые нарушали советское законодательство о религиозных культах [Клюева, 2021, 78–79].

Религиозное объединение баптистов начало действовать в Бурятской АССР в 1961 г. На протяжении 1960-х – первой половины 1970-х гг. община не была зарегистрирована, хотя несколько раз подавала соответствующие заявления в государственные органы [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 211. Л. 1, 14]. В 1974 г. уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР отмечал, что документы для их регистрации находятся на стадии подготовки, однако положительного решения для общины баптистов вновь не последовало [ГАРБ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1292. Л. 22].

Стоит сказать, что между пресвитером баптистов и уполномоченным Советом по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР шла довольно активная коммуникация ещё до их официальной регистрации [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 53. Л. 7]. Подобные меры осуществлялись и в других регионах СССР, чтобы улучшить

контроль за деятельностью протестантских объединений [Кленяева, 2020, 474-475]. В целом можно сказать, что баптисты г. Улан-Удэ были готовы идти на диалог с советской властью. Отметим также, что в Бурятской АССР в этот период времени не зафиксировано представителей оппозиционно настроенного к правительству СЦЕХБ, хотя во многих других регионах СССР они осуществляли довольно широкую деятельность [Кленяева, 2020, 472; Кратова, 2020, 85].

Вместе с этим до официальной регистрации в общине существовали внутренние противоречия, связанные с проведением ритуалов и главенством в религиозной группе, что нашло отражение в местной прессе [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 211. Л. 10]. Однако нельзя утверждать, что все баптистские организации были подвержены внутренним конфликтам, по крайней мере, их радикальным проявлениям [Белоусов, 2016, 239].

Несмотря на все разногласия, в 1976 г. община купила дом (7 x 5 метров) для проведения религиозных ритуалов в г. Улан-Удэ [ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1354. Л. 6]. Это стало возможным после того, как в 1975 г. Президиумом Верховного Совета СССР были внесены изменения в Постановление ВЦИК СССР «О религиозных объединениях» 1929 г. Теперь религиозные объединения получали право «ограниченного юридического лица», что позволяло им осуществлять приобретение или аренду зданий для своих нужд [Русская православная церковь, 1995].

Спустя два года баптисты получили официальную регистрацию на основании Постановления Совета по делам религий при СМ СССР 23 марта 1978 г. [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 211. Л. 22]. Руководителем группы в этот момент являлась Л.И. Лободина (1911 г. р.), на которую и был оформлен купленный дом для проведения религиозных служб [ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1354. Л. 6]. Можно предположить, что на регистрацию общины повлияло смягчение государственно-конфессиональной политики после принятия Хельсинкских соглашений в 1975 г. и новой Конституции в 1977 г. В соответствии с этими документами государство должно было считаться с декларированными принципами свободы совести, что вылилось в более терпимое отношение к религиозным организациям внутри страны. Эта тенденция прослеживается и в других регионах страны, в т.ч. в Сибири [Дашковский, Дворянчикова, 2022, 42–43; Кленяева, 2020, 472 и др.].

Стоит отметить, что исторически сан пресвитера в баптистской организации могли занимать только мужчины. Из-за этого руководительница группы Л.И. Лободина не могла совершать религиозные обряды, из-за чего верующим для совершения ритуалов приходилось ждать приезда ст. пресвитера по Восточной Сибири из г. Иркутска. Уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР отмечалось, что такие приезды совершались примерно 4 раза в год и были ознаменованы проведением литургии-преломления (с хлебом и вином) [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 138. Л. 4].

Редкость проведения обрядов и определённая пассивность в миссионерской деятельности часто являлись поводом для конфликтов внутри общины. Причина крылась в разнице между поколениями (старшая часть была менее активна, чем младшая). Такие прецеденты имели место и в других регионах СССР [Белоусов, 2016, 306]. Младшая часть баптистов г. Улан-Удэ намеревалась активно вести миссионерскую деятельность для привлечения большего количества адептов. Так, уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР отмечал, что В.И. Попов, будучи прихожанином данной религиозной организации, явно стремился перехватить лидерство в этой религиозной общине. В начале 1980-х гг. он несколько раз пытался организовать съезды баптистов, но каждый раз получал отказ [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 124. Л. 6; ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 138. Л. 4].

В целом, уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР в 1981 г. с настороженностью оценивал деятельность баптистов г. Улан-Удэ. Основные опасения касались привлечения молодого поколения к деятельности этой религиозной группы, а также малой информированности об доктринальных основах баптистов [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 124. Л. 7].

Можно сказать, что опасения уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР были не безосновательны. Спустя два года груп-

па молодых иркутских баптистов посетила Улан-Удэ для распространения религиозной литературы и брошюр «Христианин». Этот случай вызвал большой резонанс, т.к. среди проповедников оказался младший брат действующего ст. пресвитера по Восточной Сибири И.С. Толмачева, который счёл данную поездку законной. После этого главный пресвитер ЕХБ в РСФСР провёл с ним беседу о недопустимости нарушений законодательства о религиозных культах и недостатках в его работе [ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 2543. Л. 14-14 об.].

С момента официальной регистрации вся финансово-хозяйственная деятельность баптистов становится подотчётна уполномоченному Совету по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР. Отметим также, что численность самой общины в течение всего периода её существования оставалась небольшой (порядка 10–17 человек). Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР в 1978 г. сообщал, что группа систематически собиралась по воскресеньям, практиковала чтение Евангелия и журнала «Братский вестник». Причастие совершали один раз, не проводя при этом других обрядов [ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1354. Л. 6].

На момент регистрации община состояла из 14 человек (11 женщин и 3 мужчины). Средний возраст верующих составлял 71,4 года. Самой молодой прихожанке был 51 год, а самой возрастной 90 лет. Подавляющее большинство прихожан были пенсионерами [ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1354. Л. 10]. Преобладание женщин в протестантских объединениях фиксировалось по всей территории Советского Союза. Исследователями отмечается, что у советских протестантов вследствие многих факторов складывалась новая гендерная ситуация, когда женская часть паствы оказывала решающее влияние на жизнь и функционирование общины, осуществляя как миссионерскую, так и управленческую функции [Белякова, Добсон, 2015; Кондрашина, 2014].

По состоянию на 1981 г. община состояла из 12 человек (11 женщин и 1 мужчина). Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР в отчётной документации писал, что с момента официальной регистрации в 1978 по 1981 гг. группа пополнилась 7-ю людьми. Нередкими были и переходы в другие религиозные объединения или отъезд некоторых членов объединения в другие регионы СССР, из-за чего численность общины поддерживалась примерно на одном уровне [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 124. Л. 6].

Для анализа финансово хозяйственной деятельности баптистов обратимся к данным таблицы № 1.

Таблица № 1. Финансово-хозяйственная деятельность религиозной организации баптистов г. Улан-Удэ (в руб.) [Сост. по: ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 211; ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 2209, 2464].

Отчетные годы	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984
Общая сумма доходов (руб.)	346,3	168	160	199	491	576	443,12
Общая сумма расходов	116	167	346	214	460,4	581	428,12
В т.ч. пожертвования организациям ВСЕХБ	115,3	85	61	55	115	—	75
Пожертвование в Фонд Мира	25	28	25	25	50	—	—
Духовная литература	34,13	15	н/д	15	20	15	15
Налог и страхование	29,01	23	н/д	н/д	н/д	н/д	26,62
Коммунальные расходы	23,36	13	н/д	н/д	н/д	н/д	91,5
Хозяйственные расходы	37,78	Нет	25	144	209,4	—	220
Прочие расходы	н/д	н/д	12	3	66	н/д	н/д

Опираясь на данные таблицы, можно сделать вывод, что общая сумма доходов не была стабильной и, в силу малочисленности общины, была небольшой. К окончанию периода развитого социализма доходность данной религиозной организации значительно увеличилась, составляя с 1982 г. более 450 рублей в год. Как правило, доходная часть состояла из добровольных пожертвований, за счёт которых организация поддерживала жизнеспособность.

Важной частью расходов можно считать пожертвования организациям ВСЕХБ (Иркутск и Москва) и пожертвования в Фонд Мира, которые, в общем, составляли 28,5% от всех трат данной религиозной организации. Отчисления регионального и всесоюзного масштаба обязаны были делать не только протестантские, но и все зарегистрированные религиозные организации в СССР [Белоусов, 2016, 238; Кратова, 2019, 85; Молодов, 2019 и др.].

Практически постоянными были траты денег на религиозную литературу, с помощью которой баптисты, в отсутствие другой культовой атрибутики, распространяли своё учение. В графе «хозяйственные расходы», чаще всего указывались траты, связанные с ремонтом и коммуникациями молитвенного дома, в котором проходили собрания и молебствия организации ЕХБ.

Стоит также отметить, что ни в отчётах уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР, ни в отчётной документации самих баптистов не указывались проведённые обряды. В других регионах данная статистика активно велась среди протестантских организаций [Белоусов, 2016, 236].

Отсутствие отчётности в обрядовой практике баптистов г. Улан-Удэ объясняется, во-первых, отсутствием постоянного пресвитера, который мог проводить религиозные ритуалы. Выше было указано, что фактически общиной управляла Л.И. Лободина, которая не имела права проводить обряды. Во-вторых, отсутствие ритуальной части можно связать со спецификой социального состава самой общины. Её численность была очень небольшой, а состав – практически постоянным, поэтому необходимость в проведении обрядов для новых адептов сама собой исчезала.

Помимо зарегистрированной организации баптистов, в Бурятской АССР с 1970 г. нелегально действовала община адвентистов седьмого дня в составе 7–9 человек. Руководителем общины стал Э.Д. Левтер [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 212. Л. 1, 9]. В качестве здания для проведения богослужений использовался дом главы общины с его письменного согласия [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 212. Л. 9]. В 1981 г. община подала заявление на регистрацию в СМ Бурятской АССР и СМ СССР, однако получила отказ [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 212. Л. 12]. Поводом послужила информация о том, что лидер общины Э.Д. Левтер отрицательно относится к советскому законодательству о религиозных культах, а его дети не посещают школу по субботам [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 138. Л. 5].

Отметим, что органы власти часто под подобными предложениями специально не регистрировали религиозные объединения протестантской направленности [Белоусов, 2016, 244]. По мнению властей, чрезмерная численность религиозных объединений, тем более таких активных в миссионерском плане как протестанты, привела бы к всплеску религиозности среди всего населения Советского Союза [Кленяева, 2020, 474].

Опираясь на предоставленный список членов общины адвентистов седьмого дня г. Улан-Удэ, можно сделать вывод, что средний возраст адептов составлял 52,4 года, то есть был значительно меньше, чем у общины баптистов г. Улан-Удэ. С точки зрения гендерного состава община была представлена тремя мужчинами и шестью женщинами. Большинство членов либо работали на низкооплачиваемых должностях (уборщица, дворники, печник), либо являлись пенсионерами. Характерно, что во многих регионах СССР протестанты также трудились на непрестижных работах. Во многом это объясняется их нежеланием заниматься общественно полезным трудом, а также отсутствием должного образования [Королева, Артемова, 2010, 116].

Отметим, что для протестантов г. Улан-Удэ, как баптистов, так и адвентистов седьмого дня, вполне приемлемым считалось переходить из одной религиозной общины в другую. Так, в информационном отчёте уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР за 1981 г. указывается, что община ад-

вентистов седьмого дня состоит на 50 % из бывших баптистов. При этом в том же отчёте сообщается, что одна женщина, наоборот, перешла от адвентистов седьмого дня к баптистам [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 124. Л. 7].

Положение протестантских общин Бурятии в период перестройки

В 1985 г. должность генерального секретаря ЦК КПСС занимает М.С. Горбачев, период правления которого вошёл в историю под названием «перестройка». С 1987 г. предпринимаются активные меры для либерализации и демократизации всех сфер жизни советского общества, однако в религиозной сфере они проявились не сразу. Во многом это связано с ортодоксальным взглядом советского руководства на религию и стереотипные предубеждения о её влиянии на функционирование общества [Маслова, 2005, 38]. Разумеется, эти многоплановые изменения не могли не коснуться и государственно-конфессиональной политики.

Наглядным примером внедрения новых идей в государственно-конфессиональную политику периода перестройки стало празднование 1000-летия крещения Руси в 1988 г., ставшее событием общесоюзного значения. Этому способствовали многие факторы, среди которых можно выделить активизацию деятельности РПЦ в общественно-политическом поле, изменение отношения к религии в массовом сознании населения, а также следование демократической конъюнктуре, считавшей свободу совести одной из главных ценностей [Тулянов, 2024, 122–125]. Помимо православия государство в этот период времени обращает внимание на памятные даты, связанные с другими религиями. В качестве примера можно привести обширные культурные и научные мероприятия, связанные с празднованием 250-летия официального принятия буддизма в России [Дашковский, Траудт, 2024, 144]. Потепление политики в отношении свободы совести коснулось и закрытых в административном порядке религиозных организаций [Дворянчикова, Шершнева, 2018, 311].

Несмотря на активизацию государственной политики в области свободы совести в период перестройки, несомненно, нельзя назвать её конструктивной и последовательной. Учёными отмечается, что меры, используемые для либерализации религиозной жизни в стране, зачастую были несинхронными. Само понимание религиозной политики являлось субстратом разных политико-идеологических подходов и целей, что влияло в непонимание и разночтения в верхних эшелонах власти [Одинцов, 2010, 35].

Логичным завершением, а также воплощением всей противоречивой непоследовательности государственно-конфессиональной политики периода перестройки стало принятие закона СССР «О свободе совести и религиозных объединениях» (1990 г.), а затем и РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990 г.). Новая нормативно-правовая база для реализации государственно-конфессиональной политики была призвана уравнивать в правах как верующих, так и атеистов, а также не допустить вмешательства государства в дела религиозных объединений [Дашковский, Траудт, 2024, 153]. Несмотря на многие прогрессивные тенденции, в этом законе имели место и проблемные положения. В качестве основного многие исследователи выделяют размытость определения «религиозное объединение» и «вероисповедание», а также неспособность чётко определить и разграничить в правах и обязанностях субъекты, которые попадают под действие закона [История, 2010, 82–83; Одинцов, 2010, 105].

Для протестантских объединений в СССР период перестройки характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, они получают невиданную свободу в осуществлении своей деятельности. Некоторые исследователи замечают облегчение процесса регистрации для протестантских объединений [Молодов, 2015, 97]. С другой стороны, распад ВСЕХБ, массовая эмиграция и борьба за первенство в протестантском движении спровоцировали серьёзные проблемы, незамедлительное решение которых было необходимо для сохранения многих протестантских общин [Никольская, 2021, 123–124].

К началу 1985 г. на территории Бурятской АССР находилось 2 религиозных протестантских объединения. Община баптистов в г. Улан-Удэ легально действовала с 1978 г., а община адвентистов седьмого дня г. Улан-Удэ находилась «вне

закона», хотя не раз подавала документы для официальной регистрации [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3131. Л. 32].

Таблица 2. Финансово-хозяйственная деятельность общины баптистов г. Улан-Удэ периода перестройки [Сост. по: ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 226]

Отчётные годы	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Общая сумма доходов (руб.)	443,12	784,03	807,85	371	711	596,25
Общая сумма расходов	428,12	661,98	683,03	411,02	596	555,86
В т.ч. пожертвования организациям ВСЕХБ (Москва и Иркутск)	75	120	235	135	210	355
Пожертвования в Фонд Мира	-	50	50	50	50	-
Духовная литература	15	45	40	15	45	101
Налог и страхование	26,62	28,43	26,62	27,57	-	26,47
Коммунальные расходы	91,5	67,45	101,76	72,56	-	31,56
Хозяйственные расходы	220	351,1	229,65	131,79	271	41,83
Количество членов	14	17	18	18	20	23

Переходя к анализу финансово-хозяйственной деятельности в период перестройки (таб. 2), необходимо отметить, что численность общины баптистов постепенно увеличивалась и в 1989 г. достигла 23 человек. Доходность данного религиозного объединения в указанный период характеризовалось нестабильностью. Поступления полностью зависели от пожертвований верующих, которые не были постоянными и фиксированными. Вместе с этим в некоторые годы поступления, по меркам небольшой группы баптистов, были достаточно большими (807 рублей в 1986 г. и 711 рублей в 1988 г.). В целом с момента регистрации общины в 1978 г. и до 1989 г. финансовые поступления и траты баптистов выросли в 2 и 4 раза соответственно, что может свидетельствовать о возрастании интереса населения к вопросам религии [Дашковский, Траудт, 2024, 147]. Обращает на себя внимание ежегодное увеличение трат на религиозную литературу. Если в 1984 г. процентная доля средств, потраченных на приобретение духовных книг, составляла 3,5 %, то уже в 1989 г. эта цифра увеличилась до 18,1 %. На наш взгляд, данное явление можно связать с тем, что в отсутствие какой-либо культовой атрибутики именно религиозная литература для баптистов стала необходимым средством агитации и миссионерства.

Необходимо отметить, что в период перестройки обязательное перечисление денежных средств в патриотические фонды СССР стало преимущественно добровольным делом религиозного объединения [Молодов, 2015, 97]. Несмотря на это баптисты г. Улан-Удэ продолжали регулярно перечислять деньги в Фонд Мира.

Заметим, что в отчётах уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР периода перестройки баптистская община характеризовалась как законопослушная группа, которая действовала как без внутренних конфликтов, так и без разногласий с государственными и партийными органами. В 1988 г. было отмечено, что община баптистов положительно отзывалась о происходящих процессах перестройки и гласности в стране [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 188. Л. 17].

В конце 1980-х гг. в религиозном объединении баптистов г. Улан-Удэ произошли важные изменения. Главой группы и по совместительству её пресвитером

стал Г.А. Гильдебрант. С этого времени баптисты имели возможность, не дожидаясь приезда ст. пресвитера из Иркутска, самостоятельно проводить обряды и осуществлять проповедническую и миссионерскую деятельность. Так, за 1989 г. баптистами были прочитаны проповеди в домах престарелых и планировалась миссионерская деятельность в местах лишения свободы [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 188. Л. 5].

Анализируя гендерный состав, можно отметить, что мужчины продолжали находиться в значительном меньшинстве и составляли примерно 15% от всех прихожан данного религиозного объединения. Небольшие изменения произошли в возрастном составе общины. Если в 1986 г. процентная доля прихожан, возраст которой был менее 25 лет, составляла 6,25% от возрастного контингента всей общины, то к 1990 г. она составила 13%, что может говорить о незначительном омоложении общины. Характерно, что в период перестройки более 40% от всей общины стали составлять люди, возраст которых находился в диапазоне 25–50 лет, хотя до этого они составляли всего около 20%. Это объясняется изменением отношения к религии в перестроечном обществе. Верующие в этот период постепенно переставали восприниматься как инородные или враждебно настроенные социуму граждане. В связи с этим определённая часть работающего населения примыкала к различным конфессиям, не боясь общественного осуждения или проблем на работе. При этом процент людей, которые были старше 50 лет, оставался практически неизменным (более 60%). Данный факт может свидетельствовать о том, что несмотря на политические изменения в области свободы совести, основную часть прихожан продолжали составлять люди старшего возраста. Несмотря на смену руководства и омоложение общины, баптистам в период перестройки не удалось развернуть активную религиозную и миссионерскую деятельность. Община всё ещё была немногочисленной и локальной. Именно поэтому другие объединения баптистов в Бурятии появляются только в 1990-х гг. [Дроботушенко, Ланцова, Камнева и др., 2021, 208].

В период перестройки община адвентистов седьмого дня продолжила подавать документы о своей регистрации. Такая попытка была предпринята в 1986 г. [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 212. Л. 4]. Однако, несмотря на либерализацию государственно-конфессиональных отношений, общине всё равно было отказано в получении легального статуса. Своё решение власти обосновали уже знакомым тезисом о непринятии главой общины всех положений советского законодательства о религиозных культах [Савельев, 2014, 34]. Примечательно, что в других субъектах СССР адвентисты седьмого дня получили регистрацию как раз в период перестройки [Молодов, 2015, 98]. По данным историков, с 1985 по 1987 гг. по всему СССР адвентисты седьмого дня зарегистрировали 30 религиозных общин, уступая по этому показателю среди протестантов только баптистам и пятидесятникам [Маслова, 2015, 49–50].

Возможно, в случае с адвентистами седьмого дня г. Улан-Удэ на недопущение к регистрации повлияла ситуация вокруг прихожанки Филипповой, которая не пускала детей в школу по субботам, аргументируя это догматами вероучения. С ней была проведена беседа комиссией содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Октябрьского районе г. Улан-Удэ, однако от своих убеждений она не отказалась [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 229. Л. 44–45]. Подобные случаи фиксировались в разных частях СССР [Дашковский, Дворянчикова, 2022, 15]. После 1986 г. община адвентистов седьмого дня перестала подавать прошения об официальной регистрации, предпочитая находится на нелегальном положении. Только в 1990-х гг. община адвентистов седьмого дня г. Улан-Удэ была зарегистрирована в органах юстиции РФ.

Заключение

Таким образом, положение протестантских объединений на территории Бурятской АССР определялось текущим внутривнутриполитическим курсом и спецификой религиозной политики. Обобщая опыт рассмотрения положения протестантских религиозных объединений в Бурятии в периоды развитого социализма и перестройки, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, государство в 1970-х – первой половине 1980-х гг. пыталось легализовать лояльно настроенные к светской власти протестантские объединения.

Так, после двадцати лет нелегальной деятельности община баптистов г. Улан-Удэ всё-таки получила регистрацию в 1978 г. Главная цель государства в этот период состояла в недопущении случаев религиозного экстремизма среди протестантов, связанного с эмигрантскими настроениями, что обеспечивалось неукоснительным соблюдением законодательства о религиозных культах.

Отметим, что на регистрацию баптистов повлияли также и активные международные связи СССР, а также принятие некоторых правозащитных актов. После данного события государственная власть при проведении политики в области свободы совести должна была ориентироваться не только на собственное законодательство, но и на международные документы, активно призывающие к обеспечению религиозного плюрализма и толерантности.

Во-вторых, помимо зарегистрированной организации баптистов г. Улан-Удэ в Бурятии в период позднего социализма на незаконном положении действовали общины пятидесятников и адвентистов седьмого дня. Пятидесятники пропадают из поля зрения уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР примерно в начале 1970-х гг. Это могло быть связано как с объективными, так и с субъективными факторами. Община адвентистов седьмого дня не получила официальной регистрации в связи с неполным соблюдением советского законодательства о религиозных культах. На наш взгляд, это обстоятельство было использовано властями в качестве надуманного повода для недопущения распространения данной религиозной группы на территории Бурятии из-за опасения их бурной миссионерской деятельности. В пользу данного утверждения можно привести несколько аргументов. Во-первых, община сама несколько раз пыталась получить легальный статус, подавая соответствующее прошение и список верующих. Во-вторых, руководитель общины Э.Д. Левтер письменно предоставлял всю документацию, информацию о богослужениях, а также обязался выполнять законодательство о религиозных культах.

В целом, государство в т.н. период позднего социализма пыталось реализовать некоторые конструктивные идеи в области осуществления религиозной политики, которые не противоречили советскому политическому строю и законодательству. Эти мероприятия стали достаточно точечными и неоднородными, однако они предвосхищали наступающий период перестройки, постепенно внедряя в общество терпимое отношение как к самим верующим, так и к религиозным организациям в целом.

В-третьих, в период перестройки политика государства по отношению к религиозным организациям претерпевает значительные изменения в сторону либерализации. Несмотря на это, в Бурятской АССР ни одна община протестантов не получила регистрацию, хотя такие попытки были. Легальная община баптистов г. Улан-Удэ в этот период времени демонстрирует рост финансовых поступлений и расширение миссионерской деятельности, которая сполна раскроется в 1990-е гг.

Список сокращений

ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Благодарность

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ (проект № 23-18-00117).

Acknowledgement

The work was prepared within the framework of the RNF grant (project No. 23-18-00117).

Библиографический список

1. Апполонов, А.В. Протестантская тематика в современном российском религиоведении: научная дискуссия / А.В. Апполонов, А.П. Забияко, Е.В. Зайцев, С.И. Иваненко, И.И. Иванова, О.В. Куропаткина, Т.К. Никольская, М.О. Смирнов, Н.В. Шабуров, Е.С. Элбакян // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2022. – №1. – С. 195–222.

2. Ахмадулина, С.З. Ретроспективный анализ деятельности религиозных объединений на территории Бурятии (на примере «Свидетели Иеговы») [Электронный ресурс] / С.З. Ахмадулина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-deyatelonosti-religioznyh-obedineniy-na-territorii-buryatii-na-primere-svideteli-iegovy> (дата обращения 01.06.2024).
3. Белоусов, С.С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917–1991 гг.) / С.С. Белоусов. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. – 342 с.
4. Белякова, Н.А. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. / Н.А. Белякова, М. Добсон. – М.: «Индрик», 2015. – 512 с.
5. Васильева, С.В. Республика Бурятия: взаимоотношения между религиозными организациями и гражданскими институтами / С.В. Васильева, С.С. Ахмадулина, Д.Ц. Будаева // Ойкумена. Религиоведческие исследования. – 2022. – № 2. – С. 45–54.
6. ГАРБ Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 49. Л. 5; Д. 50. Л. 10; Д. 53. Л. 7; Д. 124. Л. 6–7; Д. 128. Л. 1; Д. 138. Л. 4–5; Д. 188. Л. 5–17; Д. 211. Л. 1–22; Д. 212. Л. 1–12; Д. 229. Л. 44–45.
7. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 558. Л. 21; Д. 1292. Л. 22; Д. 1354. Л. 6–10; Д. 2543. Л. 14–14 об.; Д. 3131. Л. 32.
8. Горбатов, А.В. Государство и христиане веры евангельской в Сибири (1945–1970 гг.) / А.В. Горбатов // Известия АлтГУ. – 2008. – № 4–3. – С. 68–73.
9. Горбатов, А.В. Пятидесятники в Восточной Европе и Западной Сибири: история и общность судьбы в XX в. / Горбатов А.В., А.В. Федорович // СибСкрипт. – 2023. – Т. 25. – № 6. – С. 749–757.
10. Грунт, Е.В. Отношение россиян к протестантизму в современных условиях: региональный аспект / Е.В. Грунт, Смирнова О.Г. // Известия уральского федерального университета. Серия 3: общественные науки. – 2017. – Т. 12. – № 3 (167). – С. 115–127.
11. Дашковский, П.К. Взаимоотношение советских органов власти и религиозных общин в Омской области в 1985–1991 гг. / П.К. Дашковский, Н.С. Дворянчикова // Ермолаевские чтения. – 2022. – № 6. – С. 12–17.
12. Дашковский, П.К. Государственное регулирование религиозных процессов в национальных автономиях СССР в период «перестройки» (на примере Бурятской АССР) / П.К. Дашковский, Е.А. Траудт // Народы и религии Евразии. – 2024. – Т. 29. – № 2. – С. 140–160.
13. Дашковский, П.К. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири / П.К. Дашковский, Н.С. Дворянчикова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. – 153 с.
14. Дворянчикова, Н.С. Празднование 1000-летия Крещения Руси в Алтайском крае / Н.С. Дворянчикова, Е.А. Шершнева // Труды IV Конгресса российских исследователей религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций». Благовещенск. – 2018. – С. 309–314.
15. Дроботушенко, Е.В. Религиозная ситуация в Бурятии в конце 1980-х – начале 1990-х годов / Е.В. Дроботушенко, Ю.Н. Ланцова, Г.П. Камнева, А.А. Сотников, С.А. Сотников // Самарский научный вестник. 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 204–210.
16. Ибрагимов, Р.Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. / Р.Р. Ибрагимов. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – 182 с.
17. История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. / Под ред. А.П. Торшина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 286 с.
18. Кленяева, И.Е. Советское государство и религиозные организации в 70-е годы XX века (на материалах Рязанской области) / И.Е. Кленяева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – Вып. 4. – С. 471–474.
19. Ключева, В.П. Осколки советского прошлого: эволюция участия в общественных практиках современных российских пятидесятников / В.П. Ключева // Технологос. – 2021. – №1. – С. 76–85.
20. Кондрашина, Е. Женщины в общинной жизни протестантских церквей в СССР (1945–1991) / Е. Кондрашина // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2014. – № 1 (32). – С. 151–171.
21. Королева, Л.А. Евангельские христиане-баптисты в СССР. 1940–1980 гг. (на примере Пензенской области) / Л.А. Королева, С.Ф. Артемова // Известия АлтГУ. – 2010. – № 4–3. – С. 109–117.
22. Кратова, Н.В. Положение религиозных организаций КЧАО в первой половине 1980-х годов / Н.В. Кратова // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. – Карачаево-Черкесск, 2019. – С. 84–89.
23. Маслова, И.И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса в 1985–1988 гг. / И.И. Маслова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 43–54.

24. Маслова, И.И. Исторические уроки государственно-конфессиональной политики в России: анализ деятельности Совета по делам религии (1965-1985 гг.) / И.И. Маслова // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 513–518.
25. Маслова, И.И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской православной церкви (1953-1991 гг.): автореф. дис ... док. ист. наук: 07.00.02 / И.И. Маслова. – М., 2005. – 48 с.
26. Молодов, О.Б. Государственно-конфессиональные отношения в СССР на переломном этапе (на материалах областей Европейского Севера) / О.Б. Молодов // Социум и власть. – 2015. – №2 (52). – С. 95–99.
27. Молодов, О.Б. Отчисления северных православных епархий в «патриотические фонды» в период позднего социализма / О.Б. Молодов // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №1 (21). – С. 273–282.
28. Никольская, Т.К. Возрождение или кризис? Вызовы «перестройки» в конфессиях русско-протестантизма. Народы и религии Евразии. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 121–131.
29. Никольская, Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 годах / Т.К. Никольская. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2009. – 353 с.
30. Одинцов, М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985 – 1997 гг. / М.И. Одинцов. – М.: Российское объединение исследователей религии, 2010. – 444 с.
31. Русская православная церковь в советское время (1917-1991) / Сост. Г. Штриккер. – М.: Прописи, 1995. – Кн. 2. – 462 с.
32. Савельев, А.А. Источники по истории христианских сект в Западном Забайкалье (30-е гг. XIX в. – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. А. Савельев; БГУ. – Улан-Удэ, 2014а. – 21 с.
33. Савельев, А.А. Христианские секты в послевоенной Бурятии (по материалам Государственного архива Республики Бурятия) [Электронный ресурс] / А.А. Савельев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014б. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskie-sekty-v-poslevoennoy-buryatii-po-materialam-gosudarstvennogo-arhiva-respubliki-buryatiya> (дата обращения 06.06.2024).
34. Советов, И.М. Совет по делам религий при СМ СССР: структура, функции и основные направления деятельности. (Эпоха В.А. Куроедова. 1966–1984 гг.) / И.М. Советов // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. – СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2011. – Вып. 9. – С. 349–371.
35. Сочнева, Д.В. Формы атеистической пропаганды в 1960-е гг. (на примере Ульяновской области) / Д.В. Сочнева // Современная научная мысль. – 2023. – № 5. – С. 102–106.
36. Тулянов, В.А. Русская Православная церковь и Советское государство в год Тысячелетия крещения Руси: проблемы взаимоотношений / В.А. Тулянов // Народы и религии Евразии. – 2024. – Т. 29. – № 1. – С. 113–125.

Текст поступил в редакцию 16.01.2025.

Принят к печати 14.02.2025.

Опубликован 26.06.2025.

¹ В отечественном религиоведении в настоящее время сохраняется дискуссия по отношению к конфессиональной принадлежности Свидетелей Иеговы. Одна часть исследователей связывает их с протестантами, опираясь на генетическую принадлежность, другая считает, что такое отождествление некорректно из-за множества догматических разногласий [Апполонов, Забияко, Зайцев и др. 2022]. В этой связи рассматриваемом контексте логичнее будет рассмотреть деятельность Свидетелей Иеговы в рамках отдельной статьи, не связывая их с протестантскими деноминациями.

² В данном отношении термин «секта» не используется как оценочное суждение, тем более в негативном аспекте. Авторы исходят из отчётов уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР, в которых многие протестантские общины обозначались именно этим термином, зачастую не подразумевая негативной коннотации, а используя его из-за отсутствия альтернативной терминологии в аппарате государственных служащих.

References

1. Apollonov A.V., Zabyako A.P., Zaitsev E.V. et al. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the LSU named after A.S. Pushkin.]. 2022, no. 1, pp. 195–222 (in Russian).
2. Akhmadulina S.Z. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2010, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-deyatelonosti-religioznyh-obedineniy-na-territorii-buryatii-na-primere-svideteli-iegovy> (accessed on January 6, 2024) (in Russian).

3. Belousov S.S. *Gosudarstvennaia religioznaia politika v Kalmykii v otnoshenii khristianskogo nasele-niia v gody sovetskoii vlasti (oktiabr' 1917–1991 gg.)* [State religious policy in Kalmykia in relation to the Christian population during the years of Soviet power (October 1917–1991)]. Elista: KalmSC RAS, 2016, 342 p. (in Russian).
4. Belyakova N.A., M. Dobson *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh poslevoennogo SSSR. 1940–1980-e gg. Issledovanie i istochniki* [Women in Evangelical communities of the post-war USSR. 1940–1980s. Research and sources]. Moscow: "Indrik" Publ., 2015, 512 p. (in Russian).
5. Vasilyeva S.V., Akhmadulina Z.S., Budaeva D.C. *Oikumena. Religiovedcheskie issledovaniia* [Oikume-na. Religious studies]. 2022, no. 2, pp. 45–54 (in Russian).
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatii* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund R-1857. Inventory 1. File 49. Fol. 5; File 50. Fol. 10; File 53. Fol. 7; File 124. Fol. 6–7; File 138. Fol. 4–5; File 188. Fol. 5–17; File 211. Fol. 1–22; File 212. Fol. 1–12 (in Russian); File 229. Fol. 44–45 (in Russian).
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R6991. Inventory 6. File 558. Fol. 21; File 1292. Fol. 22; File 1354. Fol. 6–10; File 2543. Fol. 14–14 vol.; File 3131. Fol. 32 (in Russian).
8. Gorbатов A.V. *Izvestiia AltGU* [Izvestiya AltGU]. 2008, no. 4–3, pp. 68–73 (in Russian).
9. Gorbатов A.V., Fedorovich A.V. *SibSkript* [Transcript]. 2023, vol. 25, no. 6, pp. 749–757 (in Russian).
10. Grunt E.V., Smirnova O.G. *Izvestiia ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: obshchestvennye nauki* [Izvestia of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences]. 2017, vol. 12, no. 3 (167), pp. 115–127 (in Russian).
11. Dashkovskiy P.K., Dvoryanchikova N.S. *Ermolaevskie chteniia* [Ermolaevsky readings]. 2022, no. 6, pp. 12–17 (in Russian).
12. Dashkovskiy P.K., Traudt E.A. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2024, vol. 29, no. 2, pp. 140–160 (in Russian).
13. Dashkovskiy P.K., Dvoryanchikova N.S. *Sovetskaia i rossiiskaia gosudarstvenno-konfessional'naia politika na iuge Zapadnoi Sibiri* [Soviet and Russian state-confessional politics in the South of Western Siberia]. Barnaul: Publishing House of the Alt. university, 2022, 153 p. (in Russian).
14. Dvoryanchikova N.S., Shershneva E.A. *Trudy IV Kongressa rossiiskikh issledovatelei religii "Religiia kak faktor vzaimodeistviia tsivilizatsii"* [Proceedings of the IV Congress of Russian Religious Researchers "Religion as a factor of interaction between civilizations"]. Blagoveshchensk. 2018, pp. 309–314 (in Russian).
15. Drobotushenko E.V., Lantsova Yu.N., Kamneva G.P., Sotnikov A.A., Sotnikov S.A. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. 2021, vol. 10, no. 2, pp. 204–210 (in Russian).
16. Ibragimov R.R. *Vlast' i religiia v Tatarstane v 1940–1980-e gg.* [Power and religion in Tatarstan in the 1940–1980s]. Kazan: Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin, 2005, 182 p. (in Russian).
17. *Istoriia gosudarstvennoi politiki SSSR i Rossii v otnoshenii religioznykh organizatsii v 1985–1999 gg.* [The history of the state policy of the USSR and Russia in relation to religious organizations in 1985–1999]. Moscow: OLMA Media Group, 2010, 286 p. (in Russian).
18. Klenyeva I.E. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia* [News of Saratov University. New Series. History. International relations]. 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 471–474 (in Russian).
19. Klyueva V.P. *Tekhnologos* [Technologos]. 2021, no.1, pp. 76–85 (in Russian).
20. Kondrashina E. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2014, no. 1 (32), pp. 151–171 (in Russian).
21. Koroleva L.A., Artemova S.F. *Izvestiia AltGU* [Izvestiya AltGU]. 2010, no. 4–3, pp. 109–117 (in Russian).
22. Kratova N.V. *Sotsial'no-kul'turnaia i istoricheskaiia obshchnost' Karachaevo-Cherkessii i Kabardino-Balkarii: traditsii, sovremennost', perspektivy razvitiia materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Socio-cultural and historical community of Karachay-Cherkessia and Kabardino-Balkaria: traditions, modernity, development prospects materials of the interregional scientific and practical conference with international participation]. Karachay-Cherkessk, 2019, pp. 84–89 (in Russian).
23. Maslova I.I. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Seriya Gumanitarnye nauki* [News of higher educational institutions. The Volga region. The Humanities series]. 2015, no. 4 (36), pp. 43–54 (in Russian).
24. Maslova I.I. *Izvestiia PGPU im. V.G. Belinskogo* [Izvestiya PGPU named after V.G. Belinsky]. 2011, no. 23, pp. 513–518 (in Russian).
25. Maslova I.I. *Evolutsiia veroisповедnoi politiki sovetskogo gosudarstva i deiatel'nosti Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1953–1991 gg.): avtoref. Diss. doc. Ist. Nauk* [Evolution of the religious policy of the Soviet state and the activities of the Russian Orthodox Church (1953–1991): Ph.D. Thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2005, 48 p. (in Russian).
26. Molodov O.B. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. 2015, no. 2 (52), pp. 95–99 (in Russian).
27. Molodov O.B. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Magazine]. 2019, no. 1 (21), pp. 273–282 (in Russian).
28. Nikolskaya T.K. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2021, vol. 26, no. 2, pp. 121–131 (in Russian).
29. Nikolskaya T.K. *Russkii protestantizm i gosudarstvennaia vlast' v 1905–1991 godakh* [Russian Protestantism and state power in 1905–1991]. St. Petersburg: Publishing House of the European University, 2009, 353 p. (in Russian).

30. Odintsov M.I. *Religious reforms in the Soviet Union and in Russia. 1985–1997* [Veroispovednye reformy v Sovetskom Soiuze i v Rossii. 1985–1997 gg.]. Moscow: Russian Association of Religious Researchers, 2010, 444 p. (in Russian).
31. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v sovetskoe vremia (1917–1991)* [The Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1991)]. Moscow: Propylaea, 1995, book 2, 462 p. (in Russian).
32. Savelyev A.A. *Istochniki po istorii khristianskikh sekt v Zapadnom Zabaikal'e (30-e gg. XIX v. – nachalo XXI v.): avtoref. diss. kand. ist. nauk* [Sources on the history of Christian sects in Western Transbaikalia (the 30s of the XIX century-the beginning of the XXI century: Candidate of Science Thesis in Historical Sciences)]. Ulan-Ude, 2014a. 21 p. (in Russian).
33. Saveliev A.A. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social Sciences]. 2014b, no. 8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskie-sekty-v-poslevoennoy-buryatii-po-materialam-gosudarstvennogo-arhiva-respubliki-buryatiya> (accessed on June 6, 2024) (in Russian).
34. Sovetov I.M. *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskii i sovremennyi aspekty* [Freedom of conscience in Russia: historical and modern aspects]. St. Petersburg: Russian Association of Religious Researchers, 2011, iss. 9, pp. 349–371 (in Russian).
35. Sochneva D.V. *Sovremennaia nauchnaia mysl'* [Modern scientific thought]. 2023, no. 5, pp. 102–106 (in Russian).
36. Tulyanov V.A. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2024, vol. 29, no. 1, pp. 113–125 (in Russian).

Submitted for publication: January 16, 2025.

Accepted for publication: February 14, 2025.

Published: June 26, 2025.